
УТРЕННЯЯ СМЕНА
СОЛНЦЕВА М.В.

Маргарита Солнцева

Утренняя смена

https://litres.ru/74897122
SelfPub; 2026

Аннотация

Технолога хлебозавода нашли в тестомесильном отделении в четыре часа утра — за час до первой смены. Всё выглядело как несчастный случай, пока не посчитали мешки: по бумагам на завод привезли двенадцать тонн муки, а на складе лежало восемь.

Содержание

Сюжет 4
Глава первая. Четыре утра 5
Глава вторая. Смена без технолога 9
Глава третья. Мука на полу 14
Глава четвёртая. Крышка буфера 28
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Маргарита Солнцева
Утренняя смена

Сюжет

Технолога хлебозавода нашли в тестомесильном отделении в четыре часа утра — за час до первой смены. Всё выглядело как несчастный случай, пока не посчитали мешки: по бумагам на завод привезли двенадцать тонн муки, а на складе лежало восемь.

Главные герои: Люба Ковалёва, тридцать пять, бригадир первой смены, девять лет на заводе; Зоя Крекшина, сорок девять, технолог, двадцать три года на заводе, единственная, кто читал ГОСТ целиком; Михал Михалыч Гужев, пятьдесят восемь, завхоз, двадцать лет на заводе; директор Ремизов, который считает не мешки, а выработку; кладовщица Тамара; ночной сторож Саня.

Глава первая. Четыре утра

Первая смена начинается в пять, но Люба приходит в четыре, потому что за час надо успеть то, чего не успевает никто: посмотреть, как поднялась опара, потрогать тесто, проверить, чем пахнет печь.

Завод в четыре утра — самое честное место в городе. Всё видно: и какой мешок стоит на поддоне, и сколько их, и какого они цвета, и кто вчера ушёл последним, потому что последний всегда забывает выключить свет в тамбуре.

В этот раз свет в тамбуре горел.

Люба поставила сумку, надела халат, шапочку, вымыла руки до локтя и пошла по коридору, который на заводе называли «кишкой», — тридцать метров, четыре двери, запах дрожжей, который в четыре утра сильнее, чем днём, потому что опара уже работает, а люди ещё нет.

Дверь в тестомесильное была открыта.

Она увидела машину, увидела руку и сначала не поняла, что это рука, потому что рука была в муке и лежала отдельно от всего, чего Люба ждала в этом помещении в четыре утра.

Потом она поняла и села на пол, прямо в муку, потому что стоять было нельзя.

Зоя лежала у самой станины, головой к кожуху, и на кожухе была кровь, и на полу была кровь, и мука на полу была не просто мука, а мука с крупой, как бывает, когда рассыпа-

ли из мешка, а не когда просыпали из совка.

Люба достала телефон, набрала «112» и сказала ровно то, что говорила всегда, когда вызывала что-нибудь на завод:

— Хлебозавод номер два, тестомесильное отделение, женщина без сознания, не дышит, голова разбита. Смена не началась, людей нет.

Потом она позвонила директору, потом мастеру, потом, подумав, никому больше, потому что в этом городе новость быстрее телефона.

Скорая приехала через двенадцать минут, полиция — через сорок, а к шести утра в цеху стояли Ремизов, мастер, инженер по охране труда и человек в куртке, который сказал: «Ну, тут всё понятно».

— Что понятно? — спросила Люба.

— Поскользнулась, — сказал человек в куртке. — Тут у вас мука, вода, скользко. Возраст. У неё давление было?

— У неё было давление, — сказала Люба. — И она тут двадцать три года ходит, и ни разу не поскользнулась.

— Все когда-нибудь в первый раз, — сказал человек в куртке, и это была фраза, которую Люба запомнила на всю жизнь.

Она стояла у стены, пока снимали, мерили, обводили, и смотрела на машину. Машина была выключена. Рубильник был опущен, красная рукоятка внизу.

Зоя всегда включала тестомес первым делом, потому что первая смена начинается с замеса, а замес — это машина, и

если машина не запущена в четыре десять, то в пять не будет ни теста, ни хлеба, ни смены.

Но рубильник был опущен.

И ещё одно: рука Зои была в муке. Люба видела, как её отводили в сторону, и рука была белая до локтя, как у человека, который лежал в муке. Только это была не та мука. Та мука, из которой месят, лежит в мешках и в бункере, она тяжёлая, чуть желтоватая, и она пахнет. А мука, которой посыпают пол в тестомесильном, — серая, с крупой, её держат в ведре у двери, потому что пол скользкий.

Рука Зои была в полу.

Люба знала это потому, что девять лет трогала обе эти муки руками, и знала разницу так же, как знают разницу между своим ребёнком и чужим.

В семь утра пришёл Михал Михалыч Гужев, завхоз, в своём ватнике, с ключами на поясе, и сказал:

— Люба, ты не переживай. Муку я сегодня приму сам.

— Какую муку?

— Двенадцать тонн, — сказал Гужев. — Машина придёт в восемь.

Машина пришла в восемь. Люба стояла у склада, потому что не могла уйти домой, и смотрела, как водитель открывает борт, и как Гужев считает мешки, и как кладовщица Тамара записывает в книгу.

За борт машины влезло сто шестьдесят мешков — Люба считала по рядам, потому что считала всегда: шесть в шири-

ну, четыре в высоту, четыре ряда.

— Сколько? — спросила Люба.

— Двести сорок мешков, — сказала Тамара. — Как всегда.

Люба посмотрела на поддон. Двести сорок мешков — это двенадцать тонн, это шесть рядов по сорок, это гора до второго яруса стеллажа.

На поддоне стояло сто шестьдесят.

Глава вторая. Смена без технолога

Хлебозавод без технолога — это как школа без завуча: все знают, что делать, и никто не отвечает.

В пятницу Люба пришла в три сорок, включила свет в цеху, и впервые за девять лет ей никто не сказал по телефону: «Люба, посмотри партию, там мука светлая».

Она посмотрела сама.

Ремизов вызывал всех в кабинет по одному, и до неё очередь дошла к одиннадцати.

— Ковалёва, проходи, — сказал он, и она села, но не на стул, а на подоконник, потому что стул у него был для проверяющих, а не для своих.

— Ты как?

— Работаю.

— Вот, — сказал Ремизов и показал на записи. — Первая смена за неделю сделала на восемьсот буханок меньше, чем в прошлый вторник. Почему?

— Потому что у нас мука другая.

— Опять?

— Не «опять», — сказала Люба. — Мука другая, я вам третью неделю говорю. Из неё выход другой, я тесто щупаю. Там клейковина не та.

Ремизов посмотрел на неё так, как смотрят люди, которые не понимают, о чём им говорят, но боятся выглядеть невеж-

дами.

— Ну так технолог же был, — сказал он. — Она как раз на этом.

— Технолога нет, — сказала Люба. — Её вчера похоронили.

— Закопаем и работать не будем? — сказал Ремизов и тут же махнул рукой. — Ладно, это я так. Ковалёва, ты не обижайся. Ты мне лучше скажи, кто её нашёл?

— Я.

— И что?

— Что «и что»?

— Ну, — сказал Ремизов, — может, ты у неё что-то видела? Бухгалтерию там, бумаги?

Люба смотрела на него и понимала, что он спрашивает не про убийство, а про замену.

— Мне надо смену вести, — сказала она и вышла.

Дома было тихо, потому что сын ушёл в училище, а муж приехал с вахты и уехал снова, и в этом «уехал снова» была вся её личная жизнь за последние два года.

Серёжа не пил, не бил, не изменял — он просто уехал. Сначала на заработки, потом на вахту, потом к другой женщине в Киров, где у него была своя бригада, и теперь приезжал раз в месяц, привозил деньги, ремонтировал машину и уезжал.

— Мы сколько так будем? — спросила Люба в последний его приезд.

— Как «так»?

— Вот так. Я тут одна, сын один, а мы — семья.

— Люб, — сказал он. — Я же не бросил.

— Ты и не живёшь.

Он тогда промолчал и уехал, и она осталась с этим «я же не бросил», как с мебелью, которую некуда поставить.

Теперь, в пятницу вечером, он позвонил из Кирова.

— Люба, у нас там ребята говорят, у вас на заводе кого-то того.

— Технолога.

— Да. Ты на смене была?

— Я нашла.

В трубке стало тихо, и она вдруг поняла, что слышит его дыхание — то самое, за которое вышла замуж, — и что от этого дыхания ей ничего не нужно: ни денег, ни машины, ни ремонта.

— Люб, — сказал он. — Я приеду.

— Не надо.

— Как — не надо?

— Не надо, — сказала она. — Ты уже приезжал. Три года приезжаешь.

Она положила трубку и села на кухне, но только на минуту, потому что через минуту стало жалко себя, а этого она себе не позволяла.

Потом она достала из сумки лист и развернула его: это был расчёт, который она вела сама, для себя, потому что Зоя

её этому научила.

Зоя учила так: «Если что-то не сходится, не ищи, кто виноват, — считай. Виноватого найдёшь потом».

Лист был обычный, в клетку, и на нём было три столбца: дата, мука, выход хлеба.

Люба считала с марта.

По её цифрам выходило, что завод получает муки на двенадцать тонн в месяц больше, чем реально месит, и что недостача — это не «недопёк», а «недогруз».

Она перечитала ещё раз, посчитала в уме заново и от расхождения у неё похолодели руки.

Выходило, что за прошлый месяц мимо склада прошло девяносто шесть мешков.

Девяносто шесть мешков — это четыре тысячи восемьсот килограммов, это восемь тонн хлеба, которых город не получил и не заметил, потому что хлеба было достаточно, потому что хлеб — единственный товар, который нельзя отозвать, но можно списать.

Она позвонила Зое на телефон.

— Зоя Николаевна, — сказала она в трубку, — вы же уже всё знали.

И долго сидела, слушая тишину, в которой никто не отвечал.

На следующий день она пошла к Михал Михалычу.

Завхоз сидел в своей каморке при складе, пил чай и смотрел в окно, как разгружают машину, и когда Люба вошла,

сказал приветливо:

— О, бригадир. Чай будешь?

— Михал Михалыч, — сказала Люба. — Девяносто шесть мешков.

Завхоз посмотрел на неё и медленно поставил кружку.

— Каких мешков?

— За март, — сказала Люба. — По накладным двести сорок, а по весам — сто шестьдесят. Я пересчитала.

— А, — сказал он. — Так это весовщик.

— Весовщик у нас один — Тамара.

— Ну вот, — сказал завхоз, — иди к Тамаре.

— Михал Михалыч, — сказала Люба. — Я двадцать лет с вами работаю. Я вас не сдам.

Он посмотрел на неё, и в его лице что-то переставилось — как на складе, когда двигают поддон: сначала медленно, потом сразу.

— А зря, — сказал он. — Зря, что не сдашь.

— В смысле?

— В смысле — сдавай, — сказал Михал Михалыч и снова взял кружку. — Только сначала найди, куда.

Глава третья. Мука на полу

Заключение комиссии пришло через одиннадцать дней.

Люба узнала о нём от мастера, который позвонил ей в субботу в половине восьмого утра, когда она ещё лежала, и сказал:

— Люба, там бумага. Несчастный случай.

Она села в постели.

— Какой несчастный случай?

— Ну, поскользнулась. — Мастер помолчал. — Ты не расстраивайся. Там всё как надо написано: мука, влажность, скользкий пол, возраст. Завод не виноват.

— Завод?

— Ну, Люба. — Он вздохнул. — Завод-то тут при чём?

Она оделась за семь минут и поехала на завод пешком, потому что жила в четырёх кварталах, и в субботу в половине девятого на проходной сидел не вахтёр, а Саня, ночной сторож, который всегда оставался до девяти, потому что ему было некуда идти.

— Люба, — сказал Саня. — Ты чего в субботу?

— Мне бумагу надо.

— Какую?

— По Зое Николаевне.

Саня помолчал и стал смотреть в сторону.

— Она в кабинете лежит, — сказал он. — Бумага. Реми-

зов вчера принёс. Я не читал.

— А кто читал?

— Все.

Кабинет технолога был на втором этаже, между лабораторией и комнатой для приёма пищи.

Люба открыла дверь и остановилась.

Кабинет был маленький — стол, два стула, полка, шкаф с ГОСТами, аквариум без воды и календарь за прошлый год, потому что новый Зоя не повесила: новый календарь лежал на столе и был завернут в целлофан.

Она села за стол.

На столе было три вещи, которые она сразу узнала: чашка с синей полоской, лупа на подставке и блокнот в клетку — тот самый, в котором Зоя писала не «кого проверить», а «что проверить».

Люба открыла блокнот.

Последняя запись была за два дня до смерти. Крупно, кругло, как писала Зоя:

«Парт. 14. Выход 88. Парт. 15 — выход 91. Считать весы. Накладные с января. Если подтвердится — искать не вора, а систему».

И ниже, другим цветом, как будто позже: «Спросить М. М. — почему у него в гараже новые мешки».

Люба просидела над этим две минуты, потом закрыла блокнот и положила его в сумку.

Бумага от комиссии лежала на подоконнике — три листа,

скреплённые степлером.

Люба прочитала все три.

«Причина несчастного случая: падение на скользкой поверхности (мука, вода), в результате чего пострадавшая получила закрытую черепно-мозговую травму, несовместимую с жизнью. Вероятная причина падения: сочетание скользкой поверхности пола с неровностью».

— Неровность, — сказала Люба вслух.

Пол в тестомесильном был неровный, это правда: в нём была яма у стока, глубиной сантиметра три, потому что в шестьдесят третьем году там меняли плитку и не доделали. Яма была маленькая, круглая, всегда мокрая. В неё каждый год кто-нибудь ставил ногу, и каждый год из-за неё кто-нибудь ругался, а однажды в девять утра в неё оступился инженер и уронил на пол суточные журналы.

Но если человек падает на ровном полу от скольжения, он падает вперёд или на спину. У Зои была разбита не передняя часть головы и не затылок целиком, а правый бок, выше уха — Люба этого не знала, но так сказал один раз санитар в морге, который курил с ней на крыльце.

Она сложила бумагу вдвое, положила в сумку и поехала в следственный отдел.

Следственный отдел помещался в двухэтажном доме на Заводской, рядом с пожарной частью, и во дворе у них был припаркован «УАЗ», а на крыльце сидел пожилой мужчина в кроссовках и курил.

— Слушаю, — сказал мужчина.

— Мне по делу о смерти Крекшиной.

— А кто вы?

— Я её нашла.

Мужчина посмотрел на неё внимательно, потом затушил сигарету о перила и встал.

— Пойдёмте.

Ерохин Аркадий Ильич был лет сорока пяти, в свитере, без формы, и в кабинете у него было три коробки с делами, одна из которых служила подставкой для цветка.

— Садитесь, Ковалёва Любовь Андреевна, — сказал он и посмотрел в лист. — Вы работаете там же, где… — он запнулся и показал в сторону завода.

— Да.

— И как вы?

— Работаю.

— А, — сказал он. — Ну, хорошо. Говорите.

Люба достала из сумки два пакета.

— Вот, — сказала она. — Мука.

Ерохин смотрел на пакеты.

— В смысле?

— Вот в этом пакете — мука из бункера, — сказала Люба. — Та, из которой месят. Она пшеничная, высший сорт, она чуть желтоватая и пахнет дрожжами, потому что рядом стоит закваска.

Она поставила второй пакет.

— А тут — мука с пола, из ведра у двери. Её в тестомесильном держат, чтобы пол не скользил. Это не та мука. Это мучная пыль с крупой, которую сгребают из-под мукопросеивателя, там половина — сход с машин.

— И?

— Она в этом лежала, — сказала Люба. — У неё рука была вот в этой, — она показала на второй пакет. — Не в тесте, не в бункере, а в полу.

Ерохин помолчал.

— Это же нормально, — сказал он. — Она упала на пол, на котором мука рассыпана. Извините, Ковалёва, но у вас там муки на полу, наверное, центнер.

— Нормально, — согласилась Люба. — Только пол в тестомесильном не посыпают. Пол в тестомесильном подметают.

Ерохин посмотрел на неё.

— Как это?

— Муку с пола в тестомесильном никто не сыпет, — сказала Люба. — Она на полу сама появляется, её подметают и выносят в мешке к мусорке за склада, потому что это сход, его не мешают, его сдают в комбикорм. — Она помолчала. — А в ведре у двери лежит сход, который принесли туда руками. Его с пола собрали и в ведро положили.

— Зачем?

— Потому что, — сказала Люба, — если пол посыпать, он не скользит. Так делают зимой, когда оттепель и сырость,

чтобы никто не оступился. Зоя Николаевна так делала, я так делаю.

— Так что не так? — сказал Ерохин. — Пол был посыпан. Она шла и упала.

— Пол был посыпан после, — сказала Люба.

В кабинете стало тихо.

Ерохин откинулся на спинку.

— Почему вы так решили?

— Потому что, — сказала Люба, — если человек падает в муку, мука на нём сверху. На лице, на халате, на груди. — Она помолчала. — А у неё было в муке только до локтя и только одна рука.

— То есть?

— То есть она лежала, — сказала Люба. — Она уже лежала, когда кто-то взял ведро и посыпал пол рядом с ней. А её рука нечаянно попала в муку, когда он сыпал.

Ерохин смотрел на неё долго.

— Ковалёва, — сказал он наконец. — Вы это придумали сами?

— Я это знаю, — сказала Люба. — Я двадцать лет на этом заводе. Я восемь лет смену держу. Я знаю, кто как падает. У нас мужик с крупозавода в шестьдесят шестом упал в бункер с мукой. Его вытащили, и он был белый весь, до последнего места. Потому что когда человек падает в муку, он в муке весь.

Ерохин встал и подошёл к окну.

— Хорошо, — сказал он. — Допустим.

— Допустим?

— Я не сказал «да». — Он повернулся. — Я сказал «допустим». Это разные вещи. У меня двенадцать дел, из них три — такие, где люди убеждены, что знают, что произошло. Мне нужны факты, а не «в муке весь».

— А что вам нужно?

— Заключение, — сказал он. — Мне нужно другое заключение. А то, что вы принесли, — он кивнул на пакеты, — я тоже заберу. Только это не доказательство.

— Почему?

— Потому что вы сами его набрали, — сказал Ерохин. — Вы понимаете, что мне скажет эксперт? «Изъято с нарушением». Кто свидетели, что этот пакет оттуда, а не из вашей кухни?

Люба посмотрела на пакеты.

— Хотите, я принесу ведро? — спросила она. — Целиком.

Ерохин вдруг засмеялся.

— Не надо ведро, — сказал он. — Скажите лучше вот что. Кто был на заводе в три ночи?

— Саня, — сказала Люба. — Сторож.

— И где он сидит?

— На проходной.

— А ещё кто?

Люба задумалась.

— В три ночи? — сказала она. — Никого. Второй сме-

ны в ночь нет, у нас две смены, ночная бывает только перед праздниками. В ту ночь никого не было.

— А машины?

— Восемь утра, — сказала Люба. — Но приёмка иногда бывает ночью, если водитель с опозданием.

— Кто принимает машину?

— Завхоз, — сказала Люба. — Михал Михалыч Гужев.

Ерохин записал.

— Он в ночь на среду принимал?

— Не знаю, — сказала Люба. — Он сказал, что в тот день не был.

— А вы его спрашивали?

— Спрашивала.

— И?

Люба посмотрела на пакеты.

— Он сказал: «Я в ту ночь спал», — сказала она. — И добавил: «Саня подтвердит».

Ерохин поднял глаза от записей.

— А зачем завхозу подтверждение сторожа? — спросил он.

Люба не ответила, потому что не знала, но именно с этой минуты она поняла: следствие началось — не в отделе на Заводской, а в этой комнате, в эту минуту, между её пакетами и его блокнотом.

— Знаете, что я вам скажу, — сказал Ерохин. — Я сегодня же запрошу акт вскрытия. Не своё, а то, что писал пато-

логоанатом.

— И что там?

— Там будет написано, одной ли травмой всё закончилось, — сказал он. — Но я вам скажу честно: если бы у вас не было муки в двух пакетах и рук, которые различают пол и бункер, я бы, наверное, даже не стал.

Он сел и придвинул к себе блокнот.

— Только, Ковалёва, — сказал он, — с этого момента вы не сыщик. Вы свидетель. И ещё одно.

— Что?

— Вы сегодня на заводе были?

— Была. В кабинете.

— Ключ взяли?

— Дверь была открыта.

Ерохин поднял глаза.

— А вот это плохо, — сказал он. — Потому что вы там ничего не трогали, надеюсь?

Люба промолчала.

— Что вы взяли?

— Блокнот, — сказала она.

— Господи, — сказал Ерохин.

Она отдала блокнот и получила расписку на половинке листа, в которой было написано: «Блокнот в клетку, 96 листов, изъят у гр. Ковалёвой Л. А.»

— А можно я себе перепишу? — спросила она.

— Нельзя.

— Там расчёт, — сказала Люба. — Там цифры за три месяца.

Ерохин посмотрел на неё.

— Ковалёва, — сказал он. — У меня к вам предложение. Вы сейчас идёте домой. Ничего не делаете. Ни с кем не разговариваете. И завтра приезжаете ко мне с листом бумаги и ручкой, и я вам дам этот блокнот на два часа. В моём кабинете.

— А в чём разница?

— Разница, — сказал Ерохин, — в том, что тогда это будет законно.

Люба вышла на улицу и постояла во дворе.

Было холодно, пахло мокрым асфальтом, и из пожарной части выехала машина, включила сирену на два такта и уехала в сторону рынка.

Она пошла к автобусу. И вдруг остановилась и повернула на Заводскую в другую сторону, к заводу, потому что у неё в голове теперь была одна фраза: «Саня подтвердит».

Саня сидел на проходной, где его смена заканчивалась в девять, а он всегда сидел до половины десятого, потому что дома было тихо, а на заводе было радио.

— Саня, — сказала Люба. — Ты в ту ночь был?

— В какую?

— В ночь на среду.

Саня посмотрел на неё и стал медленно ставить на стол чайник.

— Люба, — сказал он. — Ты не надо.

— Что не надо?

— Не надо мне вопросов. — Он помолчал. — Я следователю сказал, он записал.

— Что ты сказал?

— Что сидел тут, — сказал Саня. — Что радио слушал. Что на заводе было тихо.

Люба смотрела на него.

— Саня, — сказала она. — Ты же слышишь всё.

Он отвёл глаза.

— Я слышу, — сказал он. — А записывать мне не велели.

— Кто не велел?

— Никто, — сказал Саня. — Просто не велели.

Он налил чаю и поставил перед ней вторую кружку.

— Люба, — сказал он тихо. — Ты вот что. Ты на минуту не про Зою Николаевну подумай. Ты подумай, у кого ключи.

— У кого?

— От ворот, — сказал Саня. — От ночного привоза. Ворота с той стороны открывают ключом, а ключ у тех, кто принимает машину.

Люба взяла кружку.

— Саня, — сказала она. — Ты в эту ночь ворота открывал?

Он молчал долго.

— Я в ту ночь ворота не открывал, — сказал он. — Они утром были открыты, а кто открыл — не знаю.

Люба поставила кружку.

— Саня.

— Хватит, — сказал он. — Люба, хватит. Мне семьдесят два будет, у меня пенсии двести рублей на заводе и комната в общежитии. Мне не надо.

Она встала.

— Спасибо, — сказала она.

— За что? — спросил он. — Я же ничего не сказал.

— Сказал, — ответила Люба. — Ты сказал «ключ у тех, кто принимает машину».

Саня отвернулся к окну и стал поправлять на подоконнике коробку от печенья, в которую складывал гвозди.

Домой Люба шла пешком, чтобы думать.

Дорога от завода до дома была всего двенадцать минут, но она шла сорок, потому что каждый раз, когда она проходила мимо магазина, ей нужно было пройти ещё немного, чтобы довести мысль до конца.

Мысль была такая.

Если на заводе в ту ночь был человек, то этот человек пришёл не через проходную. Проходная — это вахтёр, это журнал, это Саня с радио. Значит, он пришёл через склад, а через склад в ночь можно пройти, только если открыты ворота, а ворота открывают ключом, а ключ, кроме вахтёра, у завхоза.

А если ключ у завхоза, то завхозу незачем говорить, что он в ту ночь спал, и незачем просить сторожа подтвердить.

Она остановилась у своего подъезда.

Там, где уже три года стояло её окно на третьем этаже, горел свет.

Люба подняла глаза.

Свет горел на кухне и в комнате — свет, который она никогда не оставляла, потому что электричество дорогое.

Она посмотрела на свет, и вдруг у неё первый раз за две недели по-настоящему застучало сердце, не от горя, а от страха.

Она позвонила в дверь своего мужа?

— Да иду я, иду, — сказали из-за двери.

Дверь открылась.

В прихожей стоял Сергей, в куртке, с сумкой, с грязными руками, и на лице у него было то виноватое и одновременно упрямое выражение, которое Люба выучила за двенадцать лет.

— Ты чего так долго? — сказал он. — Я с двух часов жду.

— Ты как тут?

— Ключом открыл, — сказал он. — Как вроде, у меня есть ключ.

Она стояла в подъезде и не входила.

— Люб, — сказал Сергей. — Ну ты чего? Я же приехал.

И она вошла, потому что двенадцать лет — это двенадцать лет, и потому что идти ей было некуда, и потому что в квартире пахло, как пахло всегда: сушёными вещами, стиркой и тестом.

Глава четвёртая. Крышка буфера

Сергей остался на два дня.

Он встал в субботу в семь, хотя ему не надо было вставать, сходил в магазин, сварил суп, починил кран на кухне, который тёк с октября, и всё это время говорил про Киров: про бригаду, про начальника, который «нормальный мужик, но гнилой», про то, что там платят на семь тысяч больше и что если бы Люба согласилась, они могли бы…

— Что могли бы? — спросила она.

— Ну, — сказал он, — переехать.

Люба посмотрела на него.

— Я тут двадцать лет.

— Ты тут девять лет на заводе.

— Двадцать, — сказала Люба. — Восемь лет я в булочной работала, а потом сюда. Двадцать лет я тут.

Сергей помолчал и стал мыть чашку, которую мыл уже второй раз.

— Люб, — сказал он. — Ты же понимаешь, что так не может.

— Как «так»?

— Вот так. — Он показал рукой в окно. — Ты на заводе в четыре утра, я в Кирове. Сын в училище и один.

— Ты приезжаешь. — Люба услышала, как сказала это, и поняла, что повторяет его же слова, и ей стало противно.

— Приезжаю, — сказал он. — Ну и что? Ну, приехал. Починил кран. Уехал.

Она встала.

— Серёжа, — сказала она. — Я сейчас не могу с тобой про это.

— А когда можешь?

— Не знаю. — Она помолчала. — Может, никогда.

Он уехал в понедельник утром.

На прощание он постоял в прихожей, подержал её за руку и сказал:

— Люб, ты только не думай, что я тебя бросил.

— Я не думаю, — сказала Люба. — Я знаю, что ты уехал.

И он ушёл, и она закрыла за ним дверь и постояла в прихожей ровно минуту, потому что минуту можно, а больше нельзя.

В понедельник она пришла на завод в три сорок.

Первое, что она сделала, — не пошла в цех, а пошла в тестомесильное.

Там было уже убрано. Пол вымыт — не подметён, а вымыт, с хлоркой, так, что пахло не мукой, а больницей. Машина стояла на месте, кожух снят, на кожухе ни следа.

Люба стояла в дверях и смотрела.

— Чего тебе?

Она обернулась. За спиной стоял Гужев — Михал Михалыч, в своём ватнике, с ключами на поясе.

— Миша, — сказала Люба. — Кто убирал?

— Ну кто, — сказал он. — Кладовщица. Тамара.

— Почему с хлоркой?

— Ну, — он пожал плечами, — кровь же. Надо как положено.

Люба посмотрела на пол.

— А как положено? — спросила она.

— Люба, — сказал Гужев мягко. — Ты не бери в голову. Ты молодая, тебе ещё тут работать.

— А тебе?

— А мне пятьдесят восемь, — сказал он. — Мне уже всё равно.

Он пошёл по коридору, звеня ключами, и Люба смотрела ему в спину, и в голове у неё было две вещи: он сказал «мне уже всё равно», и он сказал это первый раз за двадцать лет.

Она пошла в мукопросеивательное.

Мукопросеиватель стоял в отдельной каморке между складом и тестомесильным — старая машина, сорок лет, с двумя ситами, с буфером внизу, куда падала просеянная мука, и с крышкой на буфере, металлической, толстой, с ручкой сверху.

Крышки на буфере не было.

Люба стояла и смотрела на открытый буфер, в котором лежала мука.

— Зоя, — сказала она вслух. — Ты где?

Она обошла мукопросеиватель. Крышки не было ни за машиной, ни на подоконнике, ни под ситами.

Тогда Люба пошла к складу.

У склада, у стены, стоял бак — большой, металлический, в котором держали воду для мытья полов. Вода в баке была серо-мутная, поверху плавала мучная пыль, и в ней что-то было.

Люба посмотрела в бак и увидела крышку.

Она лежала на дне, притопленная, и её было видно только по краю — по металлу и по ручке.

Люба посмотрела по сторонам и никого не увидела. Потом взяла у стены черпак на длинной ручке, которым достают воду из бака, и осторожно поддела край крышки.

Крышка поднялась и повернулась.

На ней, на светлой стороне, где металл был отшлифован, было тёмное пятно, и края у пятна были размытые, как бывает, когда тёмное попало на муку и мука его впитала.

Люба вытащила крышку, положила её на землю у бака и села на корточки.

Крышка была тяжёлая — килограмма три, а может, и все четыре. Металл, ручка приварена, угол отбойника. Такой можно…

Она не додумала мысль до конца, потому что в этот момент её начало трясти.

Она сидела на корточках у бака с крышкой в руках и тряслась, и в голове было очень ясно и очень спокойно: вот эта крышка лежала в баке не потому, что её туда бросили, а потому, что её туда опустили — тихо, чтобы никто не слышал,

как она падает на дно.

— Люба!

Она обернулась.

По двору шла Тамара — кладовщица, в халате, в шапке, с книгой в руке.

— Люба, ты чего тут? — Она подошла и увидела крышку. — Ой.

— Тамара, — сказала Люба. — Ты в пятницу бак не мыла?

— Нет.

— А кто мыл?

— Никто, — сказала Тамара. — Он всегда такой.

Она смотрела на крышку и вдруг побледнела.

— Тамар, — сказала Люба. — Ты это уже видела?

— Нет, — сказала Тамара быстро. — Не видела. Первый раз.

— Тамара.

— Люба, я не видела.

И она ушла очень быстро, мелким шагом, прижав к груди книгу.

Люба достала телефон и позвонила Ерохину.

— Аркадий Ильич, — сказала она. — Я на заводе. Я нашла крышку.

— Какую крышку?

— От мукопросеивателя, — сказала Люба. — Она лежит в баке с водой у склада. И на ней пятно.

В трубке стало тихо.

— Ковалёва, — сказал Ерохин. — Вы её трогали?

— Доставала.

— Чем?

— Черпаком.

— Хорошо, — сказал он. — Хоть это. — Пауза. — Никуда не уходите. Никого не пускайте. Я буду через сорок минут.

Он приехал через тридцать пять — на своей машине, с экспертом, с понятыми и с фотографом, и всё это время Люба сидела на перевёрнутом ящике у бака и смотрела на крышку.

Эксперт — женщина в очках, лет тридцати, в белом халате поверх куртки, — присела над крышкой и посмотрела на неё сбоку.

— Так, — сказала она. — Тут волос.

Ерохин подошёл.

— Какой волос?

— Тёмный, — сказала эксперт. — И пятно биологическое. И ещё — вот здесь, у ручки, — она показала. — Мучная пыль. С крупой.

Люба подняла голову.

— С крупой? — сказала она. — Это сход.

Эксперт посмотрела на неё.

— Что?

— Сход, — сказала Люба. — Крупа — это сход с машин, его с пола собирают. Если бы человек брал крышку в чистом виде, на ней была бы простая мука или ничего. А с крупой

— это если человек до этого руки в пол опускал.

Ерохин посмотрел на неё, потом на эксперта.

— Это так? — спросил он.

— Ну, — сказала эксперт, — теоретически да. Крупа — это не пшеничная мука, это сход. Если он есть на ручке, значит, рука до этого…

— Понял, — сказал Ерохин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.